

В ДЕНЬ 50-летия Вахтанговского театра мои мысли в первую очередь обращаются к его создателю Евгению Вахтангову, великому художнику сцены и педагогу. Я думаю, какой титанической силой воздействия на своих учеников, какой убежденностью в правоте своих творческих замыслов, какой непостижимой подчиненностью всех своих устремлений делу своей жизни — сцене, каким

лым гением Вахтангова, не распалось. Идеи учителя были восприняты учениками и свято соблюдены. Его новаторские поиски и устремления создали благоприятную почву для их развития.

На моей памяти бесконечные волнующие беседы и споры о пути Вахтанговского театра. Они велись в доме моего отца Рубена Симонова, около трех десятилетий возглавлявшего Театр имени Евг.

ностью он задает трудную задачу аналитику.

Основатель театра не спешил ограничить специфичность театра строго сформулированными принципами актерского ремесла и жанровым единообразием. Театр этот возникал не для того, чтобы на сценических примерах доказывать правильность уже отстоявшейся системы, но чтобы бесконечно искать новое.

Вахтанговцы получили от Московского Художественного театра проверенное теоретическое наследие. Но вахтанговцы не остановились на этом. Они пошли дальше. В частности, они развили и укрепили родившийся во МХАТе принцип коллективной ответственности всех актеров за успех спектакля. Разбивались постановочные шаблоны, штампованные декорации, замороженные актерские амплуа. И вместо труппы, где механически соединялись актеры первых ролей и неподвижные статисты, создавался подлинный театральный коллектив, для которого каждый третьестепенный персонаж пьесы или предмет реквизита были не менее важны, чем первый актер. Не стало театрального аристократизма с его культом сценического героя. Именно в этой коллективности огромная сила театра. Но сила Вахтанговского театра и в изумительно тонком чувстве театральной формы. Поэтический театр, следуя учению Станиславского, взорвал натуралистическое правдоподобие.

Выдающиеся художники Вахтанговского театра Борис Щукин и Рубен Симонов пронесли через свое творчество завещанную Вахтанговым великую магию воздействия поэтического театра, передали ее в свою очередь нам, вахтанговцам нового поколения.

Е. СИМОНОВ,
главный режиссер Театра имени Евг. Вахтангова.
(АПН).

С В Я Т О Х Р А Н Я З А В Е Т Ы М А С Т Е Р А

пророческим даром предвидения обладал этот гениальный человек, чтобы театр, созданный им, не распался, не одряхлел, а, наоборот, развивался, мужал и укреплял свои позиции. А ведь Вахтангов умер спустя лишь полгода после официального открытия театра.

Смерть Вахтангова (ему было 39 лет) одна из ощутимых потерь, которую понесло театральное искусство XX столетия. Его сердце остановилось вскоре после знаменитой премьеры «Принцессы Турандот» Карло Гоцци, праздничного, хмельного спектакля, прославлявшего жизнь, любовь, молодость. Молодая студия, носившая тогда (в 1922 году) название Третьей студии Московского Художественного театра, осталась без руководителя. Но дело, созданное свет-

Вахтангова, в театральных кулуарах, на страницах газет и журналов.

Пожалуй, ни об одном театре никто не отзывался — ни зрители, ни критики — так противоречиво, как о Вахтанговском, хотя все, мне кажется, несомненно, ощущали его силу, его своеобразие и его бесспорные успехи. Причины этого кроются, на мой взгляд, в том, что театр этот каждой новой постановкой разрушает установившуюся в преддверии зритель схему о своем творческом лице. Не удивительно — Вахтангов принадлежал к той категории художников, которые всю жизнь пребывают в состоянии поисков.

Театр Вахтангова многообразен, он, подобно мифическому герою, един во многих лицах. Своей ненадуманностью, подвиж-